

Оксана Обухова

В шкафу скелет и крылья

18+

Оксана Обухова

В шкафу скелет и крылья

«Автор»

2013

Обухова О.

В шкафу скелет и крылья / О. Обухова — «Автор», 2013

Почти уверена, что каждый автор детективов мечтает сочинить историю в стиле «убийство в запертой комнате»: преступник словно растворился в воздухе, загадки множатся, интрига набирает обороты и создается впечатление, будто убийца гораздо умнее сыщиков... Детектив «В шкафу скелет и крылья», продолживший серию о сыщице Евдокии — моя версия «закрытой комнаты». И даже в двух вариантах. Надеюсь, будет интересно. Последовательность историй о Евдокии Землероевой: 1. Стоять, бояться! 2. В шкафу скелет и крылья 3. Плачу любые деньги 4. Невеста по найму

© Обухова О., 2013

© Автор, 2013

Человек в стрессе подобен коту, накрытому помойным ведром – темно, гадко, страшно, выхода не видно; потолок и стены давят, голова отказывается соображать. Стресс – бессмысленный тупик.

Это состояние настигло Юлию Владимировну Котову перед кассой запруженного народом супермаркета. За спиной возбужденно переговаривалась компания подвыпивших мужиков – парни лихо умножали количество пакетированных закусонов на литр, на нос, на время посиделок. Юлия Владимировна, миловидная шатенка тридцати трех лет, бестолково разглядывала содержимое кошелька и никак не могла постичь разницу в достоинствах бумажек фиолетового и розового колера. Юля напрочь позабыла значение купюр и способ их сложения – деньги превратились в непонятные, разномастные бумажки, озвученная кассиршей сумма казалась тарабарщиной и требовала отдельного осмысления.

У Юлии Владимировны наступил полнейший паралич сознания.

– Ну? Расплачиваться будем?.. или еще столбом постоим?

Судя по цвету лица и комплекции кассирша супермаркета хорошо питалась. Судя по обилию косметики и злости в глазах, ума и такта ей это не добавляло.

Юля пошевелила пальцами пачку недоступных пониманию бумажек. Сознание намекало, что в кошельке гораздо больше денег, чем требуемая кассиром сумма в пять тысяч триста, глаза отказывались расшифровывать значение банкнот.

Мыслительный катарсис.

Беспросветный мрак сознания проткнул болезненной иглой жизнерадостный возглас:

– Юлька?.. Махотина?.. Ты?!

Юлия Владимировна Котова едва вспомнила, что в девичестве была Юлькой Махотиной. Оторвала от кошелька тупой тяжелый взгляд и перебросила его на грудь высокого мужчины в распахнутой дубленке.

Сосредоточилась. От незнакомца исходил запах хорошего одеколona, свежесъеденной водочки и крепкий сигаретный дух. Из-под дубленки выглядывал слегка измятый ворот фланелевой рубашки в клеточку. Юлия поняла глаза выше и попыталась уяснить, откуда ей знакома улыбающаяся рожа мужика в дубленке и щетине.

– Ну! Юлька! Не узнала?! – оптимистически лыбился мужик и приказывал глазами опознать его немедленно.

Если сбрить щетину и сбросить по пятнашке килограммов и лет... Незнакомец становился похожим на одноклассника Олега Паршина. Когда-то Паршин даже пробовал ухаживать. Дарил жвачки, конфеты, фломастеры, однажды принес в школу перламутровую рыбку в майонезной баночке... В честь наименее вреднейшей школьной технички рыбку прозвали Розой Филимоновой.

И вспомнить это оказалось легче, чем разобраться со значением российских денег.

– Ну, Юлька! Ну! Ты что? – тормозил Паршин. – На покупки не хватает?! Сейчас добавлю.

Онемевшая в девичестве Махотина бестолково наблюдала, как одноклассник достает из внутреннего кармана дубленки потертое пухлое портмоне, подмигивает кассирше – та окатывает Юлию ледяным пренебрежением и подкидывает щедрому покупателю не менее щедрую улыбку. Юля резко нажала на руку Олега и, воткнув в размалеванную тетку привычный начальственный взгляд, шлепнула перед ней распахнутый бумажник.

– Возьмите сколько надо. Я без линз плохо вижу.

Врала. Но признаваться, что внезапно отупела и не может совершить элементарный подсчет, показалось глупым. Невнятное бляение о стрессе и проблемах с головой повлечет расспросы, розовощекая напомаженная кассирша уши на весь зал растопырит...

Показательно отвернувшись от копошащейся в бумажнике магазинной работницы, Юлия обратила лицо к опознанному однокласснику и изыскала силы улыбнулся:

– Олег. Привет. Как поживаешь?

Судя по разгорячено гомонящим за спиной приятелям, Паршин жил неплохо и уж точно весело. Мужики выбрасывали из тележки на подвижную ленту гору закусок и штабеля спиртного, глубокомысленно и опытно прикидывали – сколько водки не бери, все равно два раза бегать, так хотя бы сигаретами под завязку затаримся. Задирая головы к выставке сигаретных пачек над кассой, друзья Олега принялись разглядывать предложенный ассортимент.

Гулять готовились мужчины. Славно, долго, с толком, с расстановкой.

– Нормально я, Юлька, живу. Видишь – проставляюсь.

– По поводу? – Пытаясь изобразить внимание, Котова-Махотина вяло приподняла бровь. Чужие слова не задевали и не отвлекали, случайная встреча бывших одноклассников не брала за душу – разойдемся и забудем.

Паршин почесал в затылке и уклончиво вильнул:

– Да так... Есть повод, в благодарность.

В том, что частный детектив Паршин проставлялся бывшим коллегам ментам за подкинутого толстосумчатого клиента, особой доблести он не видел. Мужики свалили на детектива расстроенного дяденьку, обеспокоенного странностями в поведении половозрелой доченьки, элементарно сбывли с рук, едва тот вытащил из обезьянника набеодокурившую малолетку.

Олег на дяденьке и доченьке прилично заработал: цельный месяц за девицей по клубам и дансингам таскался, пока не выяснил, что странности пустили корни из неразделенной страсти и наркотиками совершенно не подпитывались. Довольный дяденька на радостях отвалил от всех щедрот, не проставиться приятелям Олег посчитал позором и недальновидной скарденностью. Заявился на бывшую работу с пакетами и коробками – весь стол капитана Зыкина благодарностями завалил; в результате чего мужики выпили всем составом и по старой русской традиции уяснили – маловато будет. Только раззадорились. Посоветовались скоренько и решили продолжать у Зыкина, поскольку у того жена, теща и отпрыски укатили на выходные в Ярославль к родне.

– Нефиг в ресторанах деньгами сорить, – убирая помытые стаканы в сейф, подвел черту под кабинетным застольем капитан. – Айда ко мне, теща кислых щей бадью наварила, котлет для трехдневного прокорма нажарила...

Паршин настоял, чтобы по дороге заглянули в супермаркет. Рачительный Зыкин намекал на скромный магазинчик возле своего дома, но по-купчески разошедшийся детектив привез компанию в дорогуший супермаркет и набросал полную тележку салатов, нарезок, банок-склянок с огурцами-помидорами. «Щей и котлет ты, Вадим Палыч, назавтра отведаешь, а сегодня я банкую».

Приятели, не слишком упираясь, предложили «спаять» расходы, Олег любые предложения отмел: коль заработал, поделись с бюджетником. Сейчас, прислушавшись о чем переговариваются парни под сигаретной выставкой, бросил через плечо:

– Берите блок, ребята, не скромничайте. – И обратился к кассирше: – Блок «Мальборо», девушка, нам посчитайте.

Кассирша состроила покрашенные глазки, сотворила губки бантиком и нырнула под прилавок. Достала и пробила сигареты. Мужики шумно загружали питье с закусками по пакетам.

Мадам Котова тем временем продолжала пребывать в тупейшем ступоре. Ее тележка перегораживала выход; словно не понимая, что делать с покупками, Юлия замерла над тележкой, держа на весу расправленный пакет. Глядела на коробку с шампанским и как будто боялась взять ее в руки.

– Помочь? – любезно поинтересовался Паршин. Не дожидаясь ответа, засунул в пакет какие-то деликатесные буржуйские мелочи с изображением ракушек на баночках, пристроил коробку с шампанским, осторожно положил упаковку пирожных.

Юлия не останавливала и не благодарила. Таращилась вниз заторможенно и не реагировала на толчки в спину, когда ребята протискивались мимо нее на выход.

Потом внезапно схватила Олега за рукав, просительно заглянула в глаза и забормотала:

– Пошли ко мне, а, Олег? Пошли?! Нет, правда, мы столько лет не виделись, посидим, поболтаем, наших вспомним. Ты Ирку Матвееву давно не видел?! А Мишку, а Сашку Тарасова?!..

Неожиданность полнейшая. Невдалеке от парочки одноклассников переминались щедро затоваренные парни. (Не сказать, чтобы трубы у бюджетников горели – градус еще держался, но нетерпение уже проскальзывало.) Парни не слишком любезно разглядывали вцепившуюся в паршинский рукав расфуфыренную дамочку в золотистой норке и пока изображали некоторое понимание и обязательную солидарность: не каждый день такие фифы на ментов (пусть даже бывших) вешаются. Лысоватый Зыкин красноречиво задрал рукав на утяжеленной пакетом руке, поглядел на командирские часы – мол, время, Олежа, время, водка стынет, – но гласных комментариев еще не делал.

– Юль... я как бы... это... – промямлил Паршин и покосился на компанию.

– Олег! – громко воскликнула Юлька. – Я тебя прошу! Пойдем. Посмотришь, как я живу, поболтаем, я тебе фотографии с предпоследней встречи выпускников покажу. Ты же там не был!..

Насколько помнил Паршин, отличница Махотина никогда не обладала бешеным напором. Скорее наоборот, ненавязчивыми вразумлениями свое брала – умница-тихушница, стальная мышь в чулочках синенького цвета.

Хотя... если припомнить... с шестого по девятый класс Паршин был в нее влюблен. До той поры, пока не увлекся вычислениями размеров бюстгалтеров у одноклассниц с откровенно пышными формами. Юленька всегда худышкой была.

А нынче... Нынче фигурка округлилась. Ножки, глазки, губки... Прическа новая ей очень идет, прям бизнес-вумен с обложки глянцевого таблоида...

Тьфу! Нашел о чем раздумывать – о бабах и таблоидах! У ментов водка выстыла! Нетерпение в глазах, как у зимних волков!

Олег решительно покачал головой, собрался отшутиться-отбояриться, но одноклассница, так и не забрав пакет с покупками у Паршина, повернулась к дверям супермаркета и бодро зацокала каблуками-шпильками на выход.

Парни огорченно присвистнули ей вслед. Олег на секундочку опешил и, показательно пожав плечами, бросился вдогонку. Пробегая мимо разозленного Зыкина, спросил:

– Пальч, у тебя шестнадцатая квартира?

– Угу, – понятиливо кивнул капитан.

– Наведаюсь на пару минут в гости к однокласснице – приеду, ждите, шибко не напивайтесь.

Известный бабник Серега Грушин хмыкнул так громко, что испугал бабульку с пуделем (причем отметим: пса – значительно сильнее). Топая за Махотиной к автомобильной стоянке, Олег изумленно размышлял. Однако поворотец... Предполагал напиться в честь уик-энда, а похоже... похмелья не случится, у Юленьки настрой не шуточный, вон как ловко увела. Бежит вперед и не оглядывается, знает – сзади Паршин топает. С пакетом и соответствующим настроением на флирт с продолжением.

Только остановившись возле ярко-красного БМВ, Юлия обернулась к Олегу, зябко поправила сползающий с головы яркий изумрудный платок с золотистыми прожилками и несмело улыбнулась:

– Я не очень поломала твои планы?

– Не очень, – усмехнулся Паршин. Забросил пакет на заднее сиденье и, чувствуя себя немного не в своей тарелке, расположился рядом с водительницей. Печенкой чувствовал: неожиданное продолжение вечера несет сюрпризы.

В дороге Юлия призналась, что давно отвыкла реагировать на фамилию Махотина. Десять лет уже в Котовых ходит. В ответ на логичный вопрос о муже сказала коротко:

– Разводимся, – и, намекая, что последующие расспросы не приветствуются, показала на верхушку дома, похожего на кукурузный початок: – Я живу вон там, в пентхаузе.

– Нехило, – чуть слышно буркнул детектив.

– Этот дом построен нашей компанией, – заруливая к подземной парковке, отрапортовала Юлия уже Котова. – Мы с мужем занимаемся строительством жилья, у нас приличный бизнес... Но думаю, ты об этом слышал.

Слышал, мысленно согласился Олег. Кто-то из одноклассников рассказывал, что Махотина удачно вышла замуж за крутого мужика, сама в бизнесе участвует, экономический факультет МГУ закончила. И вроде был разговор – детей у Юльки нет, но счастья и денег навалом. Мужик, говорили, хороший попался. Толковый и непьющий.

В шикарном скоростном лифте Паршин отчего-то сразу ощутил себя носильщиком – в пору денежку за доставку провианта у барыни поклянчить. Яркие потолочные светильники отыскивали и высветили каждое пятно на многострадальной сыщицкой дубленке, ворот рубахи смотрелся так, словно его собака три дня жевала, модная небритость превратилась в дворницкую запущенность.

Метаморфозы в интерьерах, уныло вздохнул детектив. Многочисленные господские зеркала презрительно насмехались над пахарем сыска.

Отраженная в тех же зеркалах Юлия тем временам приобретала недоступное для пахарей очарование. Мягко подшучивая над одной из одноклассниц, она рассказывала о встрече выпускников пятилетней давности, совсем не замечала, как стусевался Паршин, привычно сверяясь с отражением, укладывала выбившийся из-под платка локон. Недавняя растерянность почти исчезла из карих глаз, на щечках проступили хорошо знакомые по школьной поре игристые ямочки...

Очаровашка. Променять вечер в обществе такой обворожительной женщины на пьянку с мужиками может только полный идиот либо импотент.

Едва подлые зеркала остались за спиной, Паршин молодежато крякнул, расправил плечи и загарцевал на коврике у двери. Пока Юлия копошилась в сумочке, разыскивая ключи, с интересом присмотрелся к необычной планировке подъезда.

От двери Юлии открывался вид на плавные изгибы внутренней лестницы. Лестничные площадки «верхушки» напоминала полую пирамиду с обширной зоной отдыха в основании. Внизу, на тридцать первом этаже, тихонько плескался небольшой фонтанчик, окруженный плетеными креслицами и затейливой оранжерейкой. Паршину представил, как, наверное, приятно посидеть там под пальмами и фикусами, послушать плеск воды...

Юлия заметила интерес одноклассника и кивком подбородка указала вниз.

– На трех верхних этажах живут только наши родственники. Первое время мы у фонтана даже новогодние столы накрывали. Знаешь ли, весело получалось, просторно, необычно... И место для огромной елки есть...

– Нормально, – согласился Паршин. – Занятно.

– Мы решили не проводить шахту лифта прямиком в прихожую, – говорила Юлия, вставляя ключ в замочную скважину. – Пентхауз у нас не совсем пентхауз, а так – этаж последний... Но жить, как видишь, можно. Проходи, Олег.

В прихожей почему-то горел свет. Юлия громко крикнула: «Я дома!» – и, не дожидаясь отклика, обратилась к гостю:

– Олег, если не трудно, надень тапочки. Я прислугу позавчера уволила, полы самой придется мыть.

Паршин покорно поменял ботинки на кожаные шлепанцы – попутно успел порадоваться, что носки сегодня дивно одинакового цвета, не драные и по большому счету свежие, – и под руководством хозяйки поволок пакет на кухню.

– Сейчас, Олежка, я буду тебя кормить. Или, – задумалась на секунду, – если хочешь, сначала устрою обзорную экскурсию по дому. – Усмехнулась: – Хочешь посмотреть, как живут новорусские богатеи?

Паршин вспомнил о неловкости, испытанной в буржуйском лифте, прикинул сколько еще зеркал может оказаться в этом новомодном доме, и беспечно отмахнулся:

– А ну ее, новорусскость эту. Давай пожрать сварганим.

Услышав фразу из далекой юности, Юлия замерла на мгновение, смешно наморщила нос и кивнула:

– Давай сварганим. Только прежде махнем по маленькой за встречу. Согласен?

Паршин, естественно, согласился и попросил немного водки, поскольку смешивать напитки не любил – раз вечер начался с беленькой, ею надо и продолжить. Юлия распахнула дверцу монументального холодильника, сосредоточенно поглядела на выставку спиртного в дверном кармашке...

Где-то в глубине квартиры затрещал телефон.

– Черт, – нахмурилась хозяйка, увидев пустую телефонную базу на подоконнике, – Котов опять куда-то телефон с кухни утащил. Погоди, Олежка, я сейчас трубку разыщу! – И умчалась от холодильника на далекую призывную трель. – Ты сам себе налей! Я шампанское буду...

Пока Паршин разбирался с бутылками, Юлия, судя по топотку, босиком носилась по квартире, хлопала дверями, бестолковость мужа поминала всуе...

Олег выудил из холодильника початую бутылку «Абсолюта», нашел стаканы, наклонил горлышко над вместительной посудой...

Дьявольский грохот и последующий вопль хозяйки не позволили довершить процесс.

Почти швырнув бутылку на стол, облив стол и ноги, Олег стремглав помчался на звук. По дороге представил себе рухнувший на Юльку посудный шкаф, упавшую стремянку, свалившийся карниз, парочку лихих грабителей возле взломанного сейфа...

Юлия оказалась в комнате, явно служившей кабинетом. Зажимая ладонями рот, Махотина, пардон, Котова, застыла на пороге, не решаясь сделать шаг к лежащему между письменным столом и камином телу мужчины с разбитой головой.

– Коля?.. – сорвался с губ приглушенный пальцами вопрос. – Коля...

Отстранив хозяйку, сыщик метнулся к мужчине. Стараясь не менять его положения, нащупал на шее сонную артерию, сосредоточился, прислушался...

Хозяин дома, бизнесмен Николай Котов был бесповоротно мертв. Приличная лужа крови натекла из разможенной головы, сквозь слипшиеся волосы проступил костный осколок черепа.

– Не заходи! – не оборачиваясь, резко приказал бывший капитан Паршин. – Где телефон?

– Там, – чуть слышно отозвалась Юлия. – Там... рядом с тобой на столе...

Олег встал прямо и оглядел пяточок, бывший местом преступления.

По правую руку каминный зев под длинной мраморной полкой с позолоченными часами и безделушками. Левее тяжелая резная мебель, кожаная диванная пара, на грандиозном письменном столе – заткнувшаяся телефонная трубка. Голова Котов почти утыкалась в легкий тюль, прикрывший застекленную дверь на лоджию, кисть выброшенной вперед правой руки совершенно скрылась под раздвинутыми складчатыми портьерами.

Неподалеку от стола валялась окровавленная каминная кочерга. На самом столе – порядок.

Закончив обзор этой части комнаты, Паршин обернулся к двери.

Груда осколков засыпала пол у входа. Изящная угловая подставка придавила обломок узкого горлышка большой напольной вазы, прозрачные голубоватые вкрапления подсказывали, что помимо вазы тут разбилось нечто еще из тонкого домашнего стекла; пузатый серебряный кувшин откатился от черепков в противоположный от входа угол. Все выглядело так, словно возле двери произошло нешуточное побоище.

Осторожно обойдя многочисленные осколки, Олег дошел до застывшей у порога Юлии, спросил, показывая кивком подбородка на остатки посудной роскоши:

– Это ты разбила?

– Нет, – суматошно затрясла головой несложившаяся разведенка, новоиспеченная вдова. – Я ничего не роняла. Я только дверь открыла... нет, даже не успела! Только на ручку нажала и... грохот. Олечка, сразу грохот! Я дверь толкнула – кругом одни черепки, Коля...

– Юля-а-а, что у вас случилось?!

Если упертый материалист Паршин и был бы способен когда-нибудь уверовать в потусторонние миры, то наилучшего момента для новообращения придумать было невозможно: гулкий, идущий из-под земли глас взывал к немедленному общению.

Картина не для слабонервных: под ногами труп, везде разгром и готовая к обмороку женщина... непонятно откуда несется замогильный вопль. Гремит кошмарно, трубно, призрачно. Вздыхивает на теле Паршина малейшие волоски, отгоняет кровь от щек и практически выдавливает из глазниц очумелые глазные яблоки.

(Поклонникам творчества Иеронимуса Босха подобный поворот сюжета шибко лег бы на душу. Всем прочим на сон грядущий эту мизансцену лучше не представлять.)

– Что это... – придушенно просипел отпетый материалист.

– Свекровь, – кратко пояснила храбрая гражданка Котова и почему-то не упала в обморок.

– Живая?

Юля, по всей видимости, сочла вопрос риторическим и неуместным. Осторожно переставляя ноги, она отправилась к мужу и, если бы Паршин не удержал ее, схватив за запястье, наверняка бы рухнула рядом.

А трубный глас тем временем не прекращал требовать к себе внимания:

– Юля-а-а?!?! – завывало, по всей видимости, не из-под земли – тридцать третий этаж все-таки! – но явно из камина. – Коля-а-а?! У вас все в поря-а-адке?!

– Юль.. – несмело вякнул сыщик. – Это откуда?

– С нижнего этажа, – почти не разжимая губ, не отводя глаз от мертвого мужа, сообщила вдова. – Свекровь. У них камин под нами.

У Паршина отлегло от сердца; ситуация немного разъяснилась, позволив мыслям вернуться в прежнее русло. Конкретно – к совершенному убийству.

Замогильный глас свекрови наконец утихомирился и перестал взывать. Олег присел у груды черепков, присмотрелся к паркету...

Мелкие, как пыль, осколки фарфоровой вазы и чего-то голубого стеклянного четко указывали на место соприкосновения посуды с полом. Светлые, похожие на медуз или пауков, обозначенные мельчайшими частицами пятна наблюдались в непосредственной близости от двери. То есть посуда билась конкретно здесь. А труп лежит у выхода на лоджию...

Драка началась у двери, а потом переместилась к окнам?

Да черт, какая на фиг драка?! Юля утверждает, что только до дверной ручки дотронулась и сразу тарарам начался. А грохот Олег и сам слышал...

Загадка. В пустой комнате, где из недавно живого – только труп, наколотилась куча всякой дребедени.

Казус.

Покончив с разглядыванием черепков, Олег вернулся к телу, присел на корточки, приглядываясь к луже крови, и, не долго думая, прилег щекою на паркет.

– Недавно грохнули, – констатировал серьезно с пола. – Какие-то минуты. Кровь совершенно свежая, не думает сворачиваться.

Юлия внезапно почувствовала рвотный позыв – Паршин напоминал легавую, обнюхивающую окровавленный труп загнанного зверя.

Но сыщик нервное состояние женщины не замечал. Профессионально «обнюхивал» тело, пристально изучал детали. Уже почти поднявшись, Олег заметил выглянувший из-под откинутой полы пиджака ярко-зеленый кусочек ткани. Паршин вернулся в исходное положение – щекою в пол, – аккуратно приподнял край пиджака...

И вновь вернулся к метафизике. Мистическое дежавю нахлынуло.

Под телом, пропитанный кровью, лежал шелковый платок – тот самый, в золотистых тоненьких прожилках, что двадцать минут назад Юля поправляла на голове.

Паршин сам видел, как совсем недавно она оставила этот платок поверх сброшенной в прихожей шубки.

Откуда он вдруг под телом оказался? Платок под труп призрак из камина засунул? Пролетел из камина до прихожей, схватил с вешалки, напакостил, обратно шмыгнул... Или тут вообще и повсеместно полтергейст пошаливает?!

Еще одна загадка. Почисте грохота посуды и замогильных голосов.

Олег сел. Подтянул к груди согнутые в коленях ноги и снизу вверх взглянул на одноклассницу:

– Юль, у тебя есть еще один зеленый платок?

– Какой платок? – вполне естественно не поняла вдова.

Паршин на пальцах объяснил, какой в точности платок его интересует. Так и не проникшаяся ситуаций, потрясенная Юлия помотала головой и пожала плечами:

– Да нет, конечно. Авторская роспись, батик, единственный в своем роде экземпляр.

– Сходи, – печально велел Паршин, – проверь, висит ли в прихожей твой единственный в своем роде экземпляр?

Как заводная кукла, с трудом вращая суставами, Юлия повернулась и пошла к вешалке у входной двери.

Только минуты через три до Паршина донесся пораженный вопль:

– Его тут нет! – Еще через пару секунд мадам Котова нарисовалась на пороге и, полная удивления, повторила ответ: – Его нигде нет. Олег... куда он подевался и почему ты спрашиваешь?

– Платок лежит под тру... под телом твоего мужа, Юлька.

Сыщик тяжело поднялся на ноги и взял со стола телефонную трубку.

– Олег! – выкрикнула Юлия. – Я ничего не понимаю. Откуда мой платок...

– Я сам ничего не понимаю, – перебивая, признался Паршин. – Пойдем отсюда. Надо вызывать бригаду. Твоя свекровь, кстати, не заявится?

Юлия молча смотрела на тело мужа. Ответила не сразу.

– Нет, – тихо выдавила. – Наверное. Время сериалов.

– А чего тогда орала-разорялась?

– Привычка, – все так же кратко, сжато, выделяя каждое слово, проговорила Юля. – Традиция.

– Смешно, – невесело усмехнулся детектив. – В век сотовых телефонов через камин общаться. Иди, Юлька, чаю сделай, я наших вызову.

Полуобморочная вдова никак не отреагировала на оговорку Паршина по поводу «наших», развернулась в сторону кухни и, покачиваясь, побрела по длинному коридору мимо зеркальных шкафов, мимо вешалки у двери, мимо каких-то сантехнических дверей...

– Юль, я очень попрошу тебя сосредоточиться и рассказать мне о муже все, что успеешь. Пока не приехала оперативно-следственная бригада, у нас есть минут двадцать. Так что давай начинай. Приходи в себя и рассказывай.

– О чем?

За десять минут одноклассница состарилась на десять лет и стала напоминать небрежно загримированный труп. Хорошо подобранная под естественный тон кожи пудра обозначилась на позеленевших щеках неровными бежевыми мазками, прозрачные тени светились на веках фосфоресцирующими нашлепками, словно подводки на морде собаки Баскервилей. Последние силы Юлька истратила на заваривание чая и теперь сидела на стуле перед Паршиным, казалось не понимая, что происходит, что она здесь делает, не видя сыщика в упор.

Олег присел на корточки возле одноклассницы, сжал ее ледяные пальцы теплыми ладонями и, заглянув в незрячие глаза, не слишком подбирая выражения и не щадя, обрисовал ситуацию:

– Ты крупно влипла, Юля. Попробуй сосредоточиться и представить ситуацию. Если бы сейчас ты приехала одна и нашла в квартире тело мужа... предварительно разбив гору посуды над головой свекрови... тебя бы увезли отсюда в наручниках. Понимаешь? Ты одна наедине с трупом и нет свидетелей. Тебе, детка, очень крупно повезло, что я выступлю в твою защиту. Смогу... мгм... постараюсь доказать твою непричастность к убийству мужа. Помоги мне, Юленька. Поговори о муже.

У одноклассницы перекосилась левая щека, задергался, запульсировал уголок века, она так взглянула на Паршина, что тот почувствовал себя толстокожим солдафоном, испортившим воздух в присутствии императрицы. «Как вы можете?! в такой момент?!» – читалось во взгляде.

– Надо, Юленька, надо. Я должен постараться нам помочь.

– Интересно – чем? – Похоже, овдовевшая императрица сомневалась в отставных вояках.

Кривить душой бывший капитан Паршин любил не очень. Положение, в которое их кто-то загнал, можно смело называть аховым – ситуация весьма пикантная: в квартире почти разведенная дамочка, вероятный любовник из бывших одноклассников и тело мужа. Компания анекдотичная. Из квартиры доносился грохот и звон бьющейся посуды. «Любовник» грудью встанет на защиту «дамы сердца» и предьявит алиби.

Положение настолько типичное для бытовых разборок, что говорить Юлии о «крупном везении» сыщик явно поторопился. Положа руку на сердце, в бытность свою опером, Паршин сам ни за что не поверил бы рассказу двух перепуганных голубков. Мотив, возможность, орудие убийства – переселят любые рассказы.

А если уж совсем лично руку к сердцу прижимать, только благодаря тому, что, выбирая бутылку водки в холодильнике, Олег постоянно прислушивался к топотку ног хозяйки и сам был почти уверен в ее невиновности. Почти. Если бы Юлька как настеганная не носилась по квартире, разыскивая телефон, у нее могло бы появиться время, чтобы заскочить в кабинет, огреть мужа кочергой, смахнуть на пол вазы и кувшин и тут же заорать.

Но она – носилась. Топала, дверями хлопала, мужа поругивала из разных областей квартиры. То есть в кабинет за кочергой и мужем она сразу не ринулась, то есть говорит как было: на ручку двери нажала – грохот, вошла в комнату – муж на полу лежит.

Времени, времени у Юльки на убийство не хватало! И это Паршин мог засвидетельствовать с полной ответственностью.

– Юля, три года назад я сам был старшим оперуполномоченным в отделе по расследованию убийств и кое-что в своем деле понимаю. Твоего мужа, Юля, убили буквально перед нашим приходом – кровь свежая, труп – теплый. Тебя – подставляют.

– Меня?.. – икнула Котова.

– Да. Твой платок лежит под трупом. Когда оперативники сравнят съемку с камер наблюдения, они увидят, что ты была в том самом платке, который сейчас лежит под телом. И в первую очередь тебе зададут вопрос: как платок там оказался, если мужа убила не ты?

– А как он там оказался?

– Не понимаю. И думать над этой загадкой пока не хочу – нет времени. Так что давай сосредоточься, расскажи, кто мог желать смерти твоему мужу, кто имеет доступ в квартиру, кто мог тебя подставить?

– Доступ в квартиру, доступ в квартиру... – лихорадочно забормотала Юлия. – Кто мог меня подставить?..

– Не мельтеши. Начни с того, о чем тебя спросят во вторую очередь, – почему ты разводишься с мужем? – поскольку это, Юленька, мотив. – Сыщик положил на кухонный стол сотовый телефон, работающий в режиме диктофона, и кивнул: – Начинай, Юля, рассказывай.

Если убрать из рассказа Юлии нервные всхлипы, короткие заминки и наводящие вопросы Паршина, то история измены мужа выглядит тоже достаточно анекдотично, в стиле «и тут приехала жена». Точнее говоря – «проехала». Мимо цветочного магазина, где припарковалась машина мужа.

Десять дней назад ехала Юлия Владимировна с делового обеда, остановившись на светофоре, увидела знакомую мужнину машину возле цветочного салона и решила, коли уж сюрприз с букетом слегка подпорчен, поглядеть, как обожаемый муж с цветами выглядит. Полюбоваться, так как супруг с букетом всегда вызывал у нее острейший приступ умиления: «Коленька так бережно цветы носит, как мальчик к первому сентября, как юноша на первое свидание...»

Полюбовалась. Юношей, едрить его за ногу.

Муж вышел из магазина, сел за руль. Юлия Владимировна, готовя улыбку, проехала мимо и ручкой даже помахала в окошко...

Хорошо, посигналить не успела. На переднем сиденье, перегибаясь через уже врученные цветы, муж тискал бабу в шубе.

Рассказ об обнаруженной измене обманутая вдовушка закончила весьма нетривиально. Прижимая руки к вздымающейся груди и шмыгая носиком, Юля заявила:

– Котов очень порядочный мужик, Олег! Поверь мне – очень. И как бизнесмен, и как супруг...

– Кто б мог подумать... – донельзя удивленный неадекватностью обманутой жены, чуть слышно буркнул Паршин.

– Да, да, – уловив иронию, закивала вдова. – Когда я... когда мы начали встречаться, Коля уже был женат. Но до тех пор, пока не объяснился с женой, пределов не переходил. Он – ждал. Пока Татьяна все узнает от него, пока он поговорит с детьми... он сам сказал сыновьям, что полюбил другую женщину... Котов очень порядочный человек, он не опускается до пошлых адюльтеров... – Юля продолжала говорить о муже в настоящем времени, цепляясь за иллюзию, строчила словами с пулеметной скоростью: – Татьяна поняла. Мальчики... мальчики, ну, сам понимаешь – дети. Сейчас они все живут в этом же доме, на тридцать первом этаже...

– Они живут здесь? Прошу с этого момента подробнее, – перебивая, уцепился сыщик. – Сколько лет сыновьям, не вышла ли первая жена еще раз замуж, есть ли у них ключи от вашей квартиры? Что с наследством?

– Наследство?.. Татьяна, дети? – подняла вверх брови одноклассница. – Ты имеешь в виду, что они могли...

- Спокойно, Юля. Давай без лирики и паники. Рассказывай о детях и бывшей жене.
- Без лирики не выйдет, – нахмурилась вдова.

Не забывая упираться на порядочность покойного мужа, Юлия поведала, как Котов, уверенный в том, что мальчишкам необходим отцовский пригляд, еще до строительства многоэтажного дома распределил три верхних этажа: тридцать первый для бывшей жены и сыновей, тридцать второй для мамы и папы, последний для себя и Юли. Помимо квартир для непосредственного проживания бизнесмен оставил за семьей две двухкомнатные квартиры «на вырост» – если парни отпочкуются от мамы.

Трехэтажную верхушку дома Котов превратил в «орлиное» семейное гнездо, где все любимые и близкие под боком. Предусмотрел на плане лифтовую шахту, доставляющую наверх только жильцов трех последних этажей, тем самым превратив гнездо практически в неприступную цитадель: вход только для своих.

- Кроме лифта, к вам можно как-то еще подняться? – уточнил сыщик.

– Конечно, – удивилась Юлия. – На в полном смысле пожарный случай предусмотрена лестница. Но попасть через нее к нашим квартирам можно, только открыв двери одним из электронных «семейных» ключей.

– А в случае настоящего пожара? Если эвакуация жильцов с других верхних этажей понадобится?

– Так дверь на общую лестницу и не запирается. Блокированы только проходы на наши площадки.

- Позже схожу гляну. Что ты можешь сказать о первой жене мужа?

- Порядочнейшее существо, милейшая женщина. Истинная мать.

Все твердо, все как и о покойном муже – только в превосходных степенях. Оставался вопрос: и как же от таких женщин мужья к новым женам-то уходят?

Похоже, этот вопрос довольно четко обозначился на сыщичком лице. Юлия закусила нижнюю губу, в глазах мелькнуло замешанное на слезах понимание.

– Когда десять дней назад я увидела, с кем целуется Котов в машине... Мне кажется, только тогда я в полной мере поняла, почему он когда-то ушел от Татьяны ко мне. Десять лет назад он вырос из Татьяны, как из старых брюк. Таня перестала отвечать его возросшим требованиям, теперь им не стала отвечать уже я.

- Жестко.

- Но правдиво.

Теребя пальцами уголок блузки и глядя в сторону мимо сыщика, Юлия щедрыми, по всей видимости давно обдуманно нарисовала полотно: студенты, общага, первая влюбленность. Розовощекая хохотушка Танечка из Вологды – хлебосольная, легкая на подъем, компанейская и по большому счету непритязательная.

В первые годы после женитьбы Коля и Таня Котовы любили ходить в походы, где Таня варила уху и плов для всей компании – незаменимая умелая певунья и рыбачка. Ходили на плотах, спускались на байдарках, поднимались в горы: песни под гитару, комары, костры, ночевки на разостланных еловых лапах. Таня – опора и центр любой туристической компании. Даже появление детей не нарушало планы молодой семьи: маленького Валечку сажали в папин рюкзак за спиной, подросший Эдик топал сам...

– Эта их компания и сейчас не распалась. Татьяна перестала быть ее центром, но по-прежнему любима всеми друзьями...

Нечто в тоне Юлии заставило Паршина задать вопрос:

- Тяжело пришлось, тебя не сразу приняли?

Юлия кивнула и усмехнулась:

- А как ты думал? Тата – общая любовь, я... Я и костра-то толком не разожгу.

- Так как же тогда...

– А кончилась студенческая юность, Олежка. Пришел достаток – путевки, туры, «все включено»... Постепенно, Паршин, все налаживается. С друзьями тоже – если не можешь добиться любви, заставь себя уважать.

– Хочешь сказать, тебя не любят?

Юля пожала плечами.

– Скорее, мне отдают должное. Когда я пришла на фирму Котова, там еле-еле концы с концами сводили. Бухгалтерия – запущена, главный экономист – шут гороховый, чуть всю компанию не развалили, подворовывал по мере сил. На том этапе Котову потребовался союзник от экономики. Им стала я.

Слушая Юлию, Паршин испытывал двойственные ощущения. Во-первых, видел, что Юле до сих пор неловко за то, что увела мужика у хорошей домовитой бабы, оторвала от двух мальчишек. Но во-вторых, вторая жена достаточно точно понимала: в тот момент она действительно была нужна Котову больше, чем простенькая Таня, нырнувшая в хозяйство. Юля помогла (порядочному) бизнесмену выжить в деловом мире, встала плечом к плечу.

Но хватит лирики.

Паршин взял чашку, отпил немного остывшего чая.

– Кто главный наследник Котова?

– Я получаю одну акцию. Все остальное получает Тата.

Олег едва не поперхнулся.

– Одина акция? Все остальное бывшей жене?!

– Мне кажется это справедливо, – повела плечом Юлия. – Бизнес принадлежит мне и Котову в равных долях, благодаря перевесу в одну акцию я получаю контрольный пакет.

– А-а-а... то что достается Татьяне, – это много?

– Много, – усмехнулась бизнес-вумен. – Гораздо больше, чем та может вообразить.

– Ну и ну, – покрутил головой сыскарь. – И что же, тебе не обидно – ты вкалывала, бизнес строила...

– Олег, – перебила Юлия, – я говорю – все справедливо. Татьяна домохозяйка, у нее дети, я смогу себя обеспечить сама.

– А бросать тебя и уходить к другой женщине – тоже справедливо? – не удержался от укола сыщик. Уж больно у Юли все гладенькими да благородненькими выглядят. Куда ни кинь – сплошь порядочные личности и великодушные родственники.

Когда в соседней комнате мужик с разбитой головой лежит, не надо делать реверансов и соблюдать политкорректность – прошу всю подноготную наружу.

Глаза Юлии, то и дело заволакиваемые слезами, мгновенно стали жесткими.

– Жанна Генриховна Закревская – новая вершина. Мой Котов, Паршин, из породы скалолазов. Ему не устоять на достигнутом, он в вечном движении. Жанна – высота. Я – пройденный этап. Стагнация. Застой.

Честно говоря, Паршину очень хотелось спросить: «Ты, Юля, дура блаженная или спектакль разыгрываешь?» Какие на хрен пики и высоты?! Кому ты тут втираешь?! Нормальные бабы личных скалолазов цепями, как Прометеев, держат! Всю плешь и печень расклюют, но на сторону не отпустят!

Так не пойдет. Если Юлька перед следователем начнет из себя благородную даму корчить, тот сам ей печень расклюет. Видали мы таких – «мы с мужем расстались без камня за пазухой», а чей камень башку изменнику пробил – не мое дело.

– Юленька, – Паршин максимально приблизил лицо к бывшей однокласснице, считывая малейшие мимические изменения, движения зрачков, – если ты решила обкатать на мне приемчики «великодушной разведенки», то напрасный труд. Перед следователем этот финт обломится, только хуже сделаешь. Давай-ка все как есть. По чесноку.

– По чесноку?! – на мгновение опешив, взъярилась Юлька, двинулась вперед и почти уткнулась носом в лоб сыщика. – Что ты хочешь от меня услышать, Паршин? А?! Хочешь послушать, как я две ночи подушку грызла? как головой о стенку билась?! как снотворные таблетки в горсть набирала?! Так получи. – Юлия отстранилась, сложила руки перед грудью. – Я билась. Я ревела. Сдохнуть собиралась.

– Ага. А через два дня опомнилась. – Получив нормальную реакцию, Паршин заговорил совсем спокойно.

– Через два дня Котов признался, что полюбил другую женщину. Два дня спал в кабинете, потом признался: все, Юляшка, финита ля комедия.

– И ты типа успокоилась.

– Не успокоилась, – устало сгорбилась вдова. – Они улетели в Майами. Котов решил не мозолить мне глаза, дать пообвыкнуться к мысли...

– Когда вернулись?

– Вчера. Сегодня днем он пришел в офис. Мы старались не встречаться. Он позвонил мне на мобильный и предложил встретиться дома в семь часов вечера. Когда мы с тобой вошли, я увидела, что свет горит, квартира с сигнализации снята и решила, будто Коля уже дома. Или к родителям спустился.

– Почему ты не поехала домой к семи, как вы договаривались, а торчала в это время столбом в супермаркете?

Юлия шумно выдохнула, изгибая тонкую шею, задрала голову к потолку.

– Я не смогла. Не смогла заставить себя приехать и увидеть, как он собирает чемоданы. Мне было бы тяжело на это смотреть.

– И потому ты меня зацепила, – усмехнулся Паршин.

– Угу.

Довольно складно. Брошенная женщина тянула время, закупала все подряд – не глядя, не соображая (Паршин отлично видел ступор Юльки перед кассой). Потом встретила знакомого и решила нанести удар по самолюбию изменщика, приехав домой с мужиком. Собралась показать, мол, и мы не лыком шиты, мы тоже кое-что можем – надеялась на ревность.

– Закревская, Паршин, старше меня на одиннадцать лет. Она Таньку старше на год. – Все это Юля говорила, глядя в потолок, лампам в унижении признавалась. – Ботокс, замешанный на силиконе, вся кожа за уши притянута. А за ушами еще двое детей, три мужа...

Юлька наклонилась вперед, прямо поглядела на Олега – мол, каково, а? представляешь, на какую старуху он меня променяли?

– Так на что же твой Котов позарился-то?

– А у нее башка работает, как аналитический центр Генштаба. Я ему такого дать не смогу. Мы Жанку давно знаем. Котов всегда признавал, что она самая толковая баба из тех, кого он видел. Юридический концерн, риелтерские конторы, аудит... Мне до Жанки как до луны – не допрыгнуть. Не всем, Олежа, молодые сиськи-попки интересны, кое-кто еще на умных западает.

Юля горько усмехнулась, потеряла лицо ладонями.

– Так, ладно, Юлька, проехали, – пожалел школьную подругу Олег. – Почему свекровь из трубы завывала?

С камином и свекровью дело обстояло так. Восемь лет назад, когда родственники еще только планировкой жилья занимались, свекор Егор Валерьевич увидел на плане сына комнату с камином и захотел такое же великолепие и для себя устроить.

Каминных дел мастера провели печные трубы, снаружи оформили-выложили все как полагается – любо дорого глядеть: камин в лучших антикварных традициях. Гранит и мрамор, изразцы.

Егор Валерьевич и Ольга Марковна первыми из Котовых отметили новоселье.

Семья сына (все руки никак до ремонта толком не доходили) въехала на «маковку» лишь спустя полгода. Въехали, прожили два месяца, и как-то муж устроил в кабинете громогласную выволочку прислуге. Поорал немного на домработницу чисто профилактически, через пять минут на «верхотуре» образовалась мама Оля.

– Николаша, мы слышали каждое слово из твоего выступления. В чем дело?

Оказалось, проводя каминные трубы, рабочие-головотяпы допустили некий промах: на нижний этаж спускались все громкие звуки из кабинета Николая. Наверх они поднимались, если только мама Оля голову в камин просунет. Но суть не в том.

Камины решили не перебирать. Во-первых – грязно. Во-вторых – кабинет младшего Котова самое тихое место в квартире и вопят там крайне редко. В-третьих – строительный казус признали аттракционом, местной достопримечательностью: почти полгода мама Оля развлекалась запихиванием головы в камин, громогласно взывая к сыну:

– Коля?! Ты уже поел?! У нас пирожки с капустой, приходи на ужин!

Внизу под кабинетом старшие Котовы сделали гостиную с камином, где мама каждый вечер увлекалась сериалами.

– Об этом каминном казусе многие знают? – спросил в итоге Паршин.

– Да все, – пожала плечами Юлия. – Любимая забава мамы Оли. Мы головы в камин не запихиваем, так что она привыкла, если ей не отвечают.

– Свекровь знает, что вы собирались разводиться?

– Нет. Родители считают, сын уехал отдохнуть.

– А Таня знает?

– Да. Я ей сказала. Не нашла другой жилетки.

– А сыновья?

– Я думаю, что тоже, – усмехнулась Юля. – Татьяна навряд ли удержит в себе такое известие. Свекровь и свекра пожалеет, отдаст честь известить о новом разводе Николаю. Но с сыновьями – поделится.

– Как, думаешь, они отреагировали на известие?

– Как? – собираясь с мыслями, переспросила Юлия. – Эдик... сложный мальчик... Хотя какой он мальчик, балбес двадцатичетырехлетний. Не работает, не учится, ловко манипулирует чувством вины отца и матери.

– А чем мать перед ним провинилась?

– Чем? – печально усмехнулась мачеха балбеса. – А тем, что распустехой стала – потолстела, в халаты нарядилась, не смогла папеньку удержать. Эдик из породы людей, обожающих искать виноватых. Причем сам он своей жизнью крайне доволен – трясет отца и мать как груши, чуть что, на комплексы пеняет. А комплексы эти, – Юля развела руками, – сплошные выдумки, манипуляции лентяя и хитреца.

– А Валентин?

– Валька молоток. Восемнадцать лет, учится в строительном, увлекся игрой в «Дозор». Знаешь такую забаву?.. Малолетки и дяденьки постарше на машинах по городу катаются, знаки, метки всякие разыскивают? Котов обещал машину подарить, если сын хорошо зимнюю сессию сдаст. Валик уже экипаж под себя подбирает...

В прихожей раздалась трель вызова домофона. Приехала бригада, а сыщик не успел спросить о главном – о терках в бизнесе покойного.

* * *

Общую реакцию оперативно-следственной бригады на присутствие в квартире Паршина можно выразить словами капитана Ханькина:

– Паршин – ты?! Откуда? Я, блин, думал ты четвертый литр у Зыкина дома допиваешь, а ты тут, бродяга!

Буквально час назад конопатый рыжеватый Ханькин забегал в кабинет Зыкина и с горечью, по причине дежурства, отказывался от стакана. Закусил «всухомятку» парой бутербродов и пожелал ребятам отдохнуть еще и «за того парня, за тех, кто в море».

Приезд по «адресу» Саши Ханькина Паршин посчитал хорошим знаком: отличный Александр мужик. Дельный, головастый, без чинодральских фанаберий. Добро людское помнит.

Со следователем тоже повезло: от СКП приехал Дима Павлов, которого Паршин не просто как облупленно знал, сам в люди выводил. Лет пять назад Дима сыщика Олегом Сергеевичем величал, хотя разница в годах не великая. Уважал, чертяка, увидев, издали кланялся и улыбался.

По инерции он с пониманием отнесся к просьбе старшего приятеля не набирать понятых из близлежащих квартир, а пригласить кого-то из охраны или службы дома.

Три года назад и Ханькин, и Павлов грудью вставали на защиту Паршина, когда того заставили уволиться из органов за избивание на уличном задержании гада-насильника, оказавшегося сыном высокопоставленного чина.

Примерно в половине одиннадцатого основные следственные мероприятия были завершены, эксперты отбыли; три приятеля расселись по креслам-диванам Юлиной гостиной, и Саша Ханькин выразился так:

– Хреновые твои дела, Сергеич. Хорошо хоть... Прости, не в качестве недоверия, а для порядка я Зыкину звонил, и тот подтвердил, что ты встретил дамочку на их глазах, случайно. Все подтвердили, что ты предлагал ребятам в кабаке продолжить, но Зыкин настоял и вас к себе повез. Вдова тебя из магазина чуть ли ни силком в гости уволокла. И должен понимать, если б не наше старое знакомство, увез бы я вас с дамочкой отсюда... на ночевку не по адресу. Улик, Сергеич, выше крыши.

– Хватает, – весомо согласился Дима Павлов.

Олег не обижался. Не пыжился и не изображал. Смотрел на ребят исподлобья, ждал пока те сами «хреновую» ситуацию дополнят деталями.

– Экспертиза обозначила время смерти как девятнадцать двадцать с малым люфтом, – продолжил Ханькин. – Ты и вдова появились в доме аккурат в это самое время. На даме был платок, позже обнаруженный под трупом. На орудии убийства отпечатки пальцев только Котовой и убиенного. В комнате следы беспорядка.

Пока ничего нового сыщик не услышал. Опыта хватило и без пояснений суть схватить – куда ж от очевидного и отпечатков Юли на домашней вещи денешься? Но отпечатки говорят только о том, что Паршин за кочергу не брался (если только в перчатках) и позже отпечатки не уничтожил, раз сохранились «вензеля» хозяев.

Так что – «вензеля» не катят. В отличие от времени убийства и изумрудного платка.

– Что скажешь? – Ханькин смотрел на Олега с легким смущением.

– В квартире кто-то был, когда мы сюда зашли, – с уверенностью, которую не слишком ощущал, заявил Олег.

– Ты что-то видел, слышал? – слегка воодушевился опер.

– Нет. Но от кухни до входной двери длинный коридор с поворотом – ни черта не видно. Кто-то мог незаметно выйти после нашего прихода, иначе появление под трупом платка не объяснить.

– А грохот посуды? – скривился капитан.

– Слушай, Саша, не притворяйся плохо сделанным, а! – раскипятился Паршин. – Ты сам все видел – локализация осколков конкретно возле двери, труп лежит в пяти метрах у окна и под ним ни одного осколка! На паркете четкие следы от соприкосновения посуды с полом – сверху вниз и ни разу наискосок! Ты сам сто раз видел: когда разборки с битьем посуды идут, она в разные стороны летит! Об пол, о стену, сикось-накось! Убийца мог настроить этажей

из тонкой посуды, сделать упор на дверную ручку, и как только Юля повернула ручку – все рассыпалось, разбилось! Грохот был кошмарный, специально для свекрови на нижнем этаже подстроенный!

Паршин гневно выдохнул и отвернулся.

– Закончил? – хмыкнул Ханькин. – Агаты Кристи начитался – посуда, этажи, упоры?

– А ты глаза разуй! – снова повернулся к другу сыщик. – В комнате дверь на балкон не заперта. Что стоило поставить посуду друг на друга, тихонько выйти через балкон и дойти до любой такой же двери – балкон всю квартиру опоясывает. Убийца по пути мог платок с вешалки схватить, вернуться и под труп засунуть. А уже после преспокойно выйти – сигнализация-то отключена. Юля дверь на засов не закрывала, думала, муж к матери спустился.

– Ловко чешешь, – покачал головой оперативник. – Придется огорчить. Попасть на три верхних этажа можно только на лифте...

– Или по пожарной лестнице! – перебил Олег.

– Согласен. Но продолжу огорчать. Любое проникновение со стороны пожарной лестницы фиксируется пультом охраны в холле. Причем не просто фиксируется, а выдает информацию, кто из жильцов квартир трех верхних этажей воспользовался номерным ключом и выходил на общую лестницу. Охрана тут серьезная. Противопожарная дверь на тридцать третьем этаже открывалась электронным ключом покойного Котова в семь пятнадцать, дважды, с интервалом в полторы минуты. Его ключ лежит на полочке в прихожей, точно такой же ключ вдовы был с ней в магазине.

Паршин почесал в затылке. Пока по дому бродили эксперты, он, полный дум и размышлений, выходил на эту лестницу, обследовал ее и теперь прекрасно представлял, о чем толкует Ханькин. Доступ на крышу практически свободен на случай возможной эвакуации погорельцев при помощи вертолета, три двери перед площадками трех последних этажах – нешуточное препятствие: армирование, толстая сталь, хитроумная электроника на месте замков.

– В семь пятнадцать на последний этаж мог проникнуть убийца, – продолжил упорствовать Олег. – Не вам объяснять, как профессионалы замки вскрывают...

– А куда он потом делся? – перебил Дима. – Мы, Сергеич, проглядели на скорую руку данные с камер наблюдения и расшифровку электронных сигналов с замков. Если убийца проник в дом при помощи поддельного ключа с «позывными» этой квартиры, то потом он что – в воздухе растаял, испарился? Судя по предварительным данным, кроме жильцов никто отсюда не выходил. Лифтом пользовались только узнаваемые лица, дверь на лестницу больше не открывалась...

– А что Котову-то на лестнице понадобилось?! – воскликнул Паршин. – Чего он сам туда поперся?!

– Курил, наверное, – спокойно отозвался Ханькин. – Там пепельница, полная бычков. По словам вдовы, мать его и отца приучила не курить в квартире. Котов, вероятно, вышел перекурить и вернулся обратно. За полторы минуты, Сергеич, до этой квартиры от лестницы только туда-обратно добежать можно. Посудных этажей с упором на дверную ручку не настроить, времени на это не хватит. Да и платок сюда как-то не вписывается...

– Саш, а почему ты всегда «вероятно» и «наверное» говоришь? Тут везде камеры слежения понатыканы, вы что – их данные не просматривали?

– Камеры лестницу на трех последних этажах не фиксируют. Висят для мебели.

– Почему?

– А это ты у своей красавицы спроси, – устало усмехнувшись, предложил капитан. – Семейная история. Нам важен факт – камеры на пожарной лестнице трех последних этажей не работают.

– Так, значит, тем более! Убийца хорошо знаком с охраной дома, он...

– Он отсюда не выходил!! – перебивая, разгорячился Ханькин. – У нас не было времени посмотреть съемку холла и обычных лифтов, но с этих этажей никто не выходил! Только поднимались и то жиль-цы! Жильцы, Сергеич, посторонних не было.

– Но если работал профессионал...

– То искать его информатора, понимай – возможного заказчика, нужно среди родственников покойного. Этажерку из посуды построил тот, кто хорошо знаком с историей камина. Кто знал, что грохот услышат внизу, что камеры не работают, а ушедший к другой женщине муж будет дома в семь часов. – Ханькин обреченно махнул рукой. – Ты лучше вот о чем, Сергеич, подумай – а не специально ли тебя красотка в магазине зацепила? Подговорила кого-то мужа грохнуть, а тебя для алиби привезла.

– А зачем тогда посуду бить? – удивился Паршин. – Привезла бы попросту домой, провела по квартире с обзорной экскурсией, я бы сам на убиенного мужа и наткнулся. И платок сюда не вписывается. Зачем ей свою вещь под труп запихивать?

– А из хитрости. Чтобы все выглядело как конкретная подстава.

Сказать по совести, подобный поворот Олег тоже рассматривал. Юлька очень уж надолго зависла в магазине, как будто искала среди покупателей знакомых, кого можно случайно в гости зацепить. (Ее последующие крики и натуральную бледность вполне можно списать на шок от вида разможенной мужниной головушки.)

Но при детальном рассмотрении предположение рассыпалось в прах. Зачем рисковать, подстраивая случайную встречу, если можно позвонить подружке и пригласить домой оказывать моральную поддержку при сборе мужем чемоданов? Такая просьба выглядела бы адекватно. Если бы Юлька решила грохнуть Котова, на случайности бы не надеялась, а действовала наверняка. С хорошим, а не вероятным свидетелем, без всякой посуды и платков под трупом. Время смерти и подружка-свидетельница отмели бы от нее все подозрения.

– Нет, Саш, не катит, – спокойно возразил Олег. – Если бы она решила убить мужа, то сделала бы так, что вы ее ни к чему привязать не смогли. А платок и грохот – привязки. Ей этого не нужно.

– Логично, – согласился приятель. – А ты точно уверен, что она не успевала убить мужа?

– Саша! – выкрикнул сыщик. – В который раз, а?! Я говорил уже – НЕ УСПЕВАЛА! Я что, по-твоему, не смогу отличить убитого только что от пролежавшего какое-то время?! Кровь была свежей, жидкой, текущей! Но мозг, практически открытый, не пульсировал! А я через пять секунд после грохота в кабинет примчался!

– Все, Сергеич, завязали. – Ханькин примирительно поднял вверх ладони. – Завтра засажу ребят и кого-то из охраны дома за съемку камер наблюдения, попробуем пересчитать входящих, выходящих... Но сам понимаешь, дело это не быстрое. Народу в доме полно живет. Пока всех опросим...

Слушая старого приятеля, Паршин понимал, какой сюрприз ребятам подкинул. Огромный многоэтажный дом под завязку людьми забит, время – начало уик-энда. Гости, визитеры, жильцы спуют... Если б не свидетель Олег Сергеевич Паршин, «закрыли» б Юлю Котову и не чихнули. Кому висяк с убийством богатея нужен? Тем более что доказательной базы для любого суда – выше крыши набралось.

– А тебя я, Олег, сердечно попрошу, – Ханькин состроил доверительную мину, – не лезь ты в это дело. Зыкин, конечно, подтвердит, что затащил тебя в магазин, а ты на кабаке настаивал и дамочку встретил неожиданно, на его глазах... Но...

Что «но», Олег прекрасно знал. Свидетель защиты из мужика, которого потенциальная разведенка домой привела, – аховый. Подозрительный. Если за Юльку всерьез возьмутся, раскрутят, используют их «роман» на полную катушку.

– А это, Саша, я сам решу.

– Про лицензию напомнить? – жалостливо скривился опер. – Если ты как частный сыщик в мокруху впишешься, лишат лицензии и о заслугах не вспомнят.

– Попрошу Юлькиного адвоката нанять меня для сбора свидетельств в пользу защиты.

– Не выдумывай! Ты сам свидетель!

Сыщик не ответил. Капитан был прав на все сто: частный сыщик не имеет право заниматься расследованием тяжких преступлений, а адвокат навряд ли рискнет нанять основного свидетеля защиты для сбора информации.

Паршин сделал вид, будто не заметил предупреждения приятеля, спросил:

– Жильцов остальных квартир на верхних этажах опросили? Уже известно, кто из них на момент убийства дома был?

Ханькин поморщился, подумал пару секунд и взялся листать блокнот.

– Бумажки завтра оформлять будем, – бормотал, прищуриваясь на листки, – пока, предварительно, вот что. Мать и отец покойного – дома... Свекровь твоей красотки еле перед дверью удерживали, потом ее муж увел и снотворным накачал... Татьяна Котова с детьми – дома... Жильцы квартиры на тридцать втором этаже – тоже дома...

– А кто там, кстати, проживает? – вклинился Паршин. – Юля говорила, две двухкомнатные квартиры под наем сдаются, пока сыновья не выросли.

– Сдаются. Внизу супруги Лихолетовы живут – пенсионеры, Игорь Дмитриевич и Нора Викторовна. Дальние родственники Ольги Марковны Котовой. Квартиру на тридцать первом этаже снимает секретарша покойного Котова – Эмма Канипалова. Она приехала домой только в восемь.

– Квартиры нельзя осмотреть? – быстро вставил Паршин, думая о том, что куда-то же убийца делся?! Проникнуть он мог через дверь на пожарную лестницу. То, что там покойный перекуривал – не факт, съемок камер наблюдения нет.

– А санкция, а повод? – поднял брови капитан.

– Ну так там родственники живут. Неужто будут упираться?

– Олег, если кто-то из родственников замешан в убийстве, то обыск нужно проводить со всем старанием и вряд ли он что даст...

– Человек не иголка!

– Сергеич, – вмешался молчаливый Дима Павлов, – убийца мог во время чехарды со следственными мероприятиями исчезнуть. Тут столько народу туда-сюда сновало.

– Весь этот народ мы завтра по камерам наблюдения выловим и просчитаем, – покосившись на следака, буркнул Ханькин. – А обыскивать пять квартир... самая маленькая из которых площадью метров под двести... Не многовато ли, Сергеич, будет?

– Наружный осмотр, – парировал Олег и повторил, – человек не иголка. Следуй своей же логике – с трех верхних этажей никто не выходил до вашего приезда.

Капитан смущенно крикнул. Скоро полночь, людей распустили, оснований – кот наплакал (тем более если завтра на съемке подозрительная личность высветится, все вообще самодеятельностью попахивать начнет – зачем, товарищ капитан, людей напрасно дергал?). Три этажа – как три гектара. Ночи не хватит.

– Олег, давай действовать в установленном порядке. После одиннадцати вечера мы вообще не имеем права в жилища граждан вторгаться и допросы устаивать.

– Так в добровольном же порядке! Осмотр.

Ханькин трагически вздохнул. На лице читалось: «Сергеич, ты хочешь и меня в добровольном порядке погон лишить? Сам как-никак уже допрыгался».

– Олег, если убийца профессионал, то давно нашел пути отхода.

– Ага, по веревочке гад спустился, – разозлено фыркнул Паршин.

– И этого не исключаю.

* * *

Примерно в то самое время, когда Юлия Владимировна Котова тупо рассматривала кошелек в супермаркете, Евдокия Землероева вдыхала волнующие ароматы любимого шоколадного бутика «Конфаэль». Стояла у прилавка, смотрела на симпатичную блондинку-продащицу, запаковывавшую коробку умопомрачительно дорогих цукатов в горьком шоколаде, и думала: «Жизнь – удалась. Сложилась».

Человеку преклонных лет такие мысли в двадцатитрехлетней голове покажутся смешными – жизнь, деточка, себя еще предъявит и покажет. Но мы оставим нравоучения. Совсем недавно на Землероеву свалилось счастье в виде двухкомнатной квартиры в элитном доме – подарок человека, которому Евдокия жизнь спасла. Миленький автомобильчик (от тех же щедрот). И увлекательнейшая работа под руководством детектива Паршина (при виде коего стучало сердце).

Хотя тут скажем честно: сердце уже давненько не сбивалось с ритма. Мимолетный девичий восторг не перерос в мавританские страсти, погряз он – в сестринской опеке. Какое девичье сердечко засбоит при виде небритого мужика в разномастных носках, неглаженных рубашках и мятых брюках? Евдокия вынужденно и увлеченно взяла на себя холостяцкий быт Олега, былой восторг припорошился разноцветными носками, протертыми манжетами, изжеванными воротничками... Лучшая подруга и советчица Линка Синицына подозревала, что на этих бытовых берегах навсегда и застрянет любовная лодка... пока на горизонте не появится свежевобритый красавец-лайнер.

Евдокия вполне серьезно прислушалась к заявлению подружки, начала уже поглядывать по сторонам в поисках надежного ковчега приятной наружности, но в силу вступил второй закон любви: недоприконченная бытом страсть возрождается из ревности.

Но будем двигаться в порядке повествования.

В одиннадцать часов упомянутого вечера, когда умытая и довольная жизнью Евдокия улеглась в постель с миленьким дамским детективом и коробочкой умопомрачительных марципанов, мобильный телефон напомнил о жизни за окном.

Звонок завершал в самый волнующий момент, когда удалая сыщица обломком каблука вскрывала запертую бандитами дверь. Дуся, не отвлекаясь от сюжета, нашарила на тумбочке пиликающий телефон, мельком глянула на дисплей и несколько удивилась, обнаружив на нем вызов Паршина, собиравшегося пить с ментами.

– Алло? – с робкой надеждой сказала Дуся в трубку. (Бойфренд подружки Линки все наиболее приятные слова вспоминал почему-то исключительно в подпитии. От трезвого бойфренда ласкового слова не дожدهшься, подвыпьет – как прорвет, причем всегда по телефону.)

От Паршина Евдокия не услышала ничего ласкового. Совершенно трезвым командирским голосом сыщик дал пятнадцать минут на сборы («тревожный чемоданчик» включал в себя пижаму и зубную щетку, так что надежды на амурное ночное приключение Дуся не теряла) и назвал адрес прибытия.

Основная часть дохода работников частного сыска складывается из заказов ревнивых супругов. Не раз и не два Евдокия наблюдала, как доверительно, но сухо Паршин ведет переговоры с обеспокоенными дамочками, невозмутимо собирает предварительные сведения о мужьях, порою утешает, и никогда не вкладывается всей душой в процесс. Вбивает попутно в Дусину головушку: эмоции, Дусенция, мешают делу. Зачастую дамочки элементарно развлекаются слежкой от безделья либо на воду дуют. Вникание душой в проблемы заказчика чревато, детка, нервным истощением, сиречь попахивает непрофессионализмом.

Эту часть сыщицкого кодекса Землероева усвоила на пятерку с минусом. И потому невероятно удивилась, когда увидела Олега, со всей нежностью поглаживающего по плечу зареванную шатенку неопределенного возраста.

– Евдокия, Юля не заказчица, а друг. Мой друг.

Приехали, подумала Дуся. На когда-то сверкающих полах огромной навороченной квартиры отпечатались грязные подошвы многих мужских ботинок, в доме бардак и запах смерти, но суть не в том. Сидя на высоком неудобном стуле в большой, порядком разбомбленной кухне, Евдокия ощутила удар по сердцу. Как будто пику засадили в грудь и провернули в ране пару раз.

Стараясь сосредоточиться на рассказе Командира, Евдокия упорно не замечала руку сыщика на тщедушном плечике вдовы, кивала с нужной регулярностью, в глаза рассказчику и его однокласснице старалась не смотреть – боялась ревностью испепелить. «Не думать, не думать, не думать, – уговаривала себя Дуся и попутно думала: – А той ли помадой успела губы мазнуть? Вроде с кофточкой не сочетается... Не отвлекаться на руки и плечи, тетеньке досталось, у нее мужа грохнули, Паршин сюда залетел совсем случайно, а остался по делу...»

Некоторую растерянность помощницы Олег списал на позднее время и общую неожиданность положения. (А мы заметим со знанием дела, что мужчины вообще славятся умением не замечать в близких женщинах проклюнувшейся ревности – инерция мышления и привычная успокоенность имеют место быть.) Используя профессиональную лексику, Паршин умело обрисовал ситуацию, дополнил своим видением проблемы и угрюмо спросил Дусяного мнения. (Низкий поклон ему за то, Дуся сразу же почувствовала себя немного выше разбогатой вдовушки.)

– Ближний круг, – подхватывая «диалог профессионалов», коим не требуется расширение, высказалась Землероева.

– Согласен, – кивнул Командир. – Заказчик либо даже исполнитель.

Вдова глядела на «опытную» Дусю во все зареванные глазки. Дуся, вся практика которой, скажем прямо, складывалась из личных неурядиц, нескольких слежек, двух «внедрений» и множества прочитанных детективов, расправила спину:

– Список жильцов трех этажей вы уже составили, можете мне показать?

– Нет, времени не было. Я сделаю его завтра, когда более детально ознакомлюсь с передвижениями жильцов по камерам слежения. Что думаешь по делу?

Не совсем по делу Дуся думала вот что: Юльке крепко повезло, что ангел хранитель у нее на Небесах не задремал. Вдове следует навеститься в церковь, свечек перед иконами многочисленно поставить. Если бы она случайно не привела домой Олега, «закрыли» б тетку обязательно.

Но вслух сказала:

– Хорошо бы конкурентов по бизнесу прошерстить... Если здесь хороший профессионал работал... ты, Олег, знаешь, как они умеют информацию о каминах собирать.

– Конкуренты – епархия Павлова и Ханькина, нас туда не пустят. Мы отрабатываем ближний круг. Думаю, вопрос о законности и незаконности наших действий родней подниматься не будет, так что действуй, Дуся. Опрос жильцов, беседы с родственниками, мгм... Юлю постарайся одну не оставлять. Понятно?

По совести сказать, волоокую зареванную Юлю Дуся с удовольствием слегка бы придушила. Вдовица взидала на Паршина с тихо плещущейся мольбой и нежностью во взоре, картинно покусывала губы. (Дусе адресовались толика уважительного внимания и робко обозначенная благодарность.) У сыщика же постоянно протягивались руки куда не надо: то плечико погладит, то по ручке вдову похлопает...

Убила бы сама и не взгрустнула! Причем обоих. Курица слезливая, глаз положила! Где раньше...

Так. Стоп. О чем там Паршин говорит?

– ...Юля представит тебя родственникам и жильцам, постарайся наладить контакт с мальчишками Котова, тебе это сподручней сделать – почти ровесники, может быть, получится с их друзьями задружиться. Прислугу не забудь...

– Олег, – Землероева фыркнула и изобразила эффектную позу, едва не свалившись с табурета. – Ой!.. Кому ты говоришь? Я что, сама не понимаю, чем мне заняться?

– Хорошо. Вижу, ты в теме. Вопросы есть?

Вопрос у Дуси был. Но задавать его в присутствии тетеньки, в которой только распоследняя тупица не углядит соперницу, не стоит. Землероева издала многозначительный носовой звук «гм», покосилась на вдову...

– Юль, ты не оставишь нас одних? – понятиливо попросил сыщик, и едва вдовушка исчезла с горизонта, кивнул: – Валяй. О чем спросить хотела?

Неудержимый гейзер ревности Евдокии удалось сдержать не в полной мере. Чувствуя себя немного «чудовищем с зелеными глазами», Землероева оформила вопрос, как смогла, тактично и тактически:

– Олег, я, конечно, не могу знать, что вас с Юлей связывает, но не хочешь ли ты, хотя бы мне сказать...

– Дуся!! Сколько можно?! – Подобным интересом Паршина терзали несколько часов! Вопрос завяз в ушах, набил оскомину, осточертел до судорог лица!

Вопли и судороги физиономии патрона Дуся поняла неправильно. Расстроилась. Заткнулась.

Паршин неверно истолковал ее обиженное молчание.

– Прости, сорвался, – буркнул хмуро через десяток секунд.

– Проехали, – в тон бросила ревнивица.

– Юлию, Дуська, я встретил впервые лет за десять. После школы только на встрече выпускников раз пересеклись. Повторяю для неверующего Фомы – Юлия случайно увидела меня в магазине и...

– Я ж говорю – проехали! Скажи, что она из себя представляет?

Олег задумчиво вытянул губы, приподнял брови...

За несколько месяцев знакомства с сыщиком Дуся заметила за ним одну особенность. Если Паршина спрашивали о близко знакомом человеке, он никогда не отбрехивался дежурными фразами вроде «плохой, хороший человек», «нормальный парень», «трудоголик, лентяй последний», а выбирал из общего прошлого наиболее показательную историю, рассказывал и позволял слушателю судить самостоятельно.

Для Юлии он выбрал вот что:

– Представь, Дуся, десятый класс. Прыщавые нигилисты и фронтеры, интеллектуалы, блин. Вместо умеренно выпивающего физкультурника Галкина нам дают новую учительницу Ирину Федоровну. Целеустремленную молодую, как я бы сейчас сказал – девчонку, мгновенно закрутившую гайки. Двойка за «забытую» или «мамкой постиранную» форму, на девичьи проблемы, к которым раньше с пониманием относился Галкин, – ноль внимания... Мы, понятно дело, взбунтовались.

Федоровне назначают открытый урок, чинуши из РОНО понаехали, а мы – отсутствуем. Изобрели какой-то дикий повод вроде сбора макулатуры, всем классом не явились на урок. Ирина – в слезы, ей выговор влепили, позор всей школе...

И вот... Не знаю, какими правдами и неправдами Махотина добилась приема у начальника РОНО... До сих пор не знаю, что она там ему наговорила, но нам назначили второй открытый урок. Еще одну попытку, так сказать.

Прежде чем одеть всех в форму и под конвоем завучей сопроводить в спортзал, нам устроили классный час. Вначале распиналась директриса, потом классная убедительно доказывала, какие мы в целом некрасивые, в конце слово дали Махотиной.

Олег сделал паузу, глотнул густого чая.

– Юлька выступила просто. Встала со своего места и, глядя на портрет Макаренко над доской, сказала: «Может быть, кто-то думает по-другому, но я считаю, что серьезное отношение к своей работе надо уважать, а не наказывать». Физкультурник Галкин, кстати, на этом месте покраснел и отвернулся.

Тут можно было бы добавить, что после этого Юлькиного выступления полувлюбленный мальчик Паршин переключился на другую одноклассницу: ума хватило догадаться, что с такой девушкой не допустимы половинчатые отношения. Махотина личность, а не объект для флирта на лестничной площадке за мусоропроводом.

Но это дополнение Олег не стал доносить до Евдокии.

Дусю, прямо скажем, выбранная сыщиком история слегка обескуражила. Наверное, Паршин слишком давно закончил школу, чтобы помнить, как на самом деле школяры к правдоискателям и стукачам относятся. На Дусиной памяти подобным девочкам бойкоты или «темные» устраивали. До слез и истерик доводили: сплоченная общей идеей толпа детей – суперзлющая субстанция!

Что хотел историей сказать Олег? Что тетенька приличный человек, неутомимая защитница несправедливо обиженных? Правдоискательница, идущая до самого конца?

Или... Паршин напирал на присутствие личного мнения у подростка Юлии Махотиной?.. Мол, посмотри, Дуся, Юльке от горшка два вершка было, а она уже не подчинялась мнению большинства?

Если подумать... то примерно в том же возрасте Линка Синицына обзывала Дусю принципиальной занудой. Например, когда предлагала подделать мамину подпись в дневнике. Или наврать предкам, что идут на день рождения, срубить деньгу для подарка, а на самом деле оттянуться на дискаче.

Олег намекал на их похожесть? Разглядел в Евдокии нечто подобное?

– Поброди тут, Дуся, – тихо продолжил Паршин. – Поговори, поищи в шкафах скелеты. Юле надо помочь.

– Тебе тоже помощь не помещает, – тоскливо выплеснулся из Землероевой осадок «зеленоглазой мути».

* * *

Компания в «цитадели» на верхних этажах подобралась не разношерстная, а крепко спаянная родственными либо, в случае секретарши Канипаловой, служебными отношениями. Все выходные Евдокия сновала по внутренней лестнице из квартиры в квартиру, знакомилась с фигурантами и совала нос в исподнее. Особой грязи и скелетов пока не попадалось, родня дружно горевала об усопшем. Присутствие Евдокии принималось неоднозначно – мама Котова подозревала, будто Юля нарочно таскает с собой непонятную девицу, так как боится остаться наедине с упреками. Папа покойного, полковник Генштаба в отставке, молча пил коньяк наполам с валерьянкой. Татьяна Котова угощала чаем, поминутно вытирая глаза и нос мокрющим платочком.

Татьяна Дусе понравилась. Если бы не предварительный рассказ вдовы о том, что Тата когда-то лишилась мужа исключительно из-за себя, поскольку с макушкой в быт провалилась, – не поверила бы ни за что. Нынешняя Тата отличалась ухоженным лицом, парикмахерскими ухищрениями в прическе, премиленький домашний костюмчик черного цвета ладно обтягивал

округлую фигуру. Под тонкой тканью костюмчика слегка угадывалось корректирующее белье. Тата за собой следила даже в дни траура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.